

Михаил БОЯРСКИЙ:

Вчера и двадцать лет спустя

- Михаил (меня уже предупреждали, что Боярский очень не любит, когда его называют Михаилом Сергеевичем), выступление в ресторане - это что, результат финансового кризиса или творческого поиска? Когда вы говорите посетителям кабаре: «Что прикажете, господа?» - это не задевает вашу гордость?

- Нет, не задевает. Я выступаю не в любом кабаке, а - в хорошем. Мне даже приятно принужденно общаться с залом, парировать острые шуточки, как бы постоянно фехтовать словами, а не только бубнить заученный текст.

Я вообще могу выступать где угодно: в гастрономе, морге, кочегарке - было бы зрителям где сесть, а актеру - где стоять. И не потому, что так уж сильно люблю деньги. Просто я не сноб, и готов играть перед всеми, кто будет меня слушать. Недавно, например, ходил по палатам военного госпиталя, где лежат ребята из Афганистана, пел им у постели, как во время войны...

А что касается сегодняшнего концерта, то я не люблю этих психонских разговоров: ах, он пел на заказ, уронил престиж артиста! За границей выступление в кафе и ресторане совсем не считается зазорным. И, кстати, там поют за доллары многие наши актеры, которые выступать в русских ресторанах за рубли брезгуют.

- А вот недавно по нашему радио цитировали статью одной израильской газеты, в которой автор как раз упрекал русских известных актеров за их пение, как он выразился, «в кабаках».

- Значит, ее писал бывший советский человек, который, кстати, на перечислении этих имен тоже делал себе деньги. Я несколько раз ездил за границу с концертами, выступал и в ресторанах, причем делал это в программе, в которой участвовали местные звезды. И никто не раздувал вокруг этого шума.

Помню, как у Люси Гурченко, приехавшей на гастроли в Америку, была истерика: уже на месте импресарио ей сообщил, что только три концерта у нее будут в концертном зале, а остальные - в ресторане. «Я туда, к этим пьяным рокам, не пойду!» - говорила Люся. А импресарио ей заметил: «Там не будет пьяных роков. И когда после выступления ты получишь наличные, сразу привыкнешь».

Я тоже страшно волновался, когда первый раз пел в ресторане на Брайтон-бич. Народу в зал пришло мало, и я тогда решил, что это потому, что я такой немодный. Потом побывал на концертах других - та же история.

С Михаилом Боярским я смогла поговорить не за кулисами театра, а... в ресторане. Вернее, во владивостокском кабаре «Зеленая лампа», где почти до двенадцати ночи безостановочно пел, острит этот неутомимый «шевалье».

Билет на Боярского, под которого можно было выпивать и закусывать, стоил 10 000 рублей. И все равно публике пришлось тщательно отбирать:

желающих попасть в «Зеленую лампу» оказалось больше, чем билетов.

Стоит ли говорить, что рвались сюда в основном дамы? Ничего удивительного, ведь Боярский был советским суперменом восьмидесятых, а его Д'Артаньяном бредило не одно поколение школьниц.

Потом ореол славы мушкетера стал как-то незаметно тускнеть, но после фильма, пусть и неудачного, «Двадцать лет спустя» вспыхнул вновь.

Он по-прежнему остается олицетворением

романтического мужского идеала, у которого,

как поется в «Д'Артаньяне и трех мушкетерах», «перо и шпага - все при нем».

Тем необычнее было увидеть идеал распевующим на эстраде ночного кабаре шлягер «Ап! И тигры у ног моих сели!», под который танцует подвыпившая публика...

И потому первый мой вопрос был:

Аншлагов там просто не бывает, так что если вы читаете, с каким огромным успехом прошли за рубежом гастроль какого-то нашего артиста, то это значит: сидящие в зале 15 человек очень громко аплодировали...

Так вот, я вышел на сцену, стою. Вдруг после «коронки» «Ап! И тигры у ног моих сели!» мне передают конверт. Думал, записка. Открываю: там деньги, причем их сумма превышает мой гонорар за все гастроль... «Привыкайте, это просто вместо криков «браво» - значит, вы кому-то понравились», - пояснил мне импресарио.

Кстати, там же, на Брайтон-бич, выступали и Клара Новикова, и Хазанов, и Добрынин. У Розенбаума так просто бешеный успех - публика ведь подбирает

ся особая, «одесская». А знаменитый Токарев, выступая в ресторане, каждую песню посвящает кому-то из сидящих в зале. И остается популярным много лет...

- Но у вас все же несколько иной имидж: этакого супермена, не терпящего никакого ущемления своей гордости, в любую минуту готового обнажить шпагу за друга или любимую женщину... Ходили разговоры, что вы и в жизни такой же любитель хороших напитков, женщин и драк...

- Просто артистам трудно отмыться от того материала, в котором они снимаются. Да, я люблю выпить, но на работе стараюсь этого не делать. Я ценю прекрасный пол - но у меня хорошая, дружная семья, я люблю жену - она тоже актриса, обожаю сына и дочь и никогда не стал бы

в своей жизни что-то менять. А что касается драк - то я не дерусь никогда, считаю это самым примитивным способом решения вопросов. И всегда стараюсь найти компромисс. Иногда даже потом ругаю себя за это...

- То есть в вас нет ничего от экранного супермена?

- Мы по-разному понимаем это слово. Актер вообще не мужская профессия, и, может быть, я бы ее никогда не выбрал, если бы это не было предопределено: я родился в актерской семье, братья отца - и те актеры, так что девать-ся было некуда. Но все чаще я думаю о том, что настоящий мужчина должен быть создателем, а актер - это только шут, который всегда при ком-то. А сегодня и вовсе суперменом становится тот, кто богат, независим, может обес-

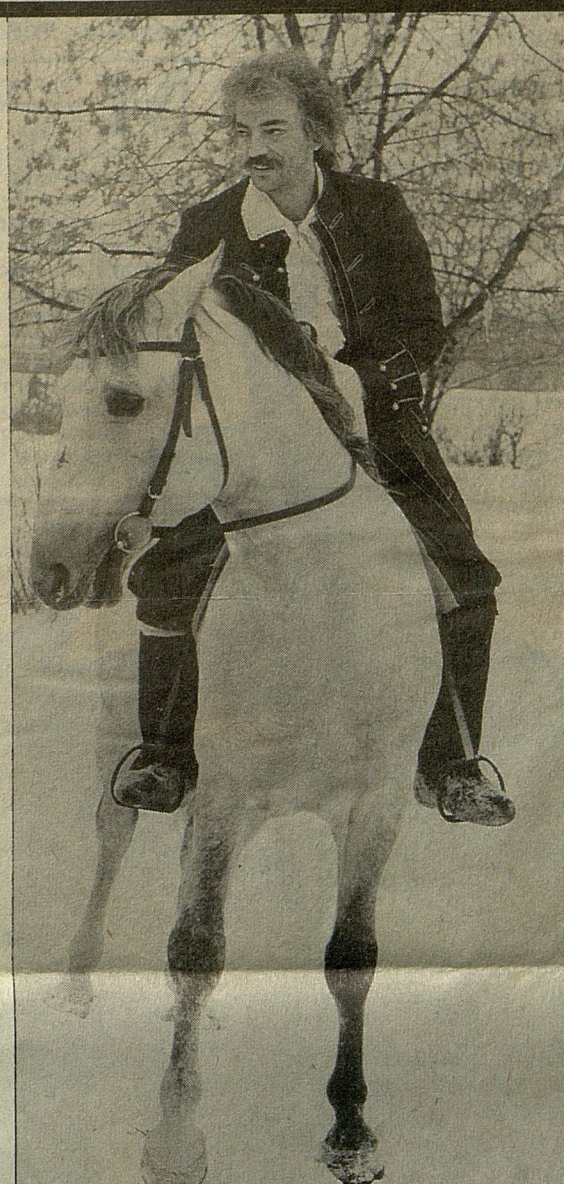

Фото Бориса СЛОНИМСКОГО

печить будущее себе и своим детям, а не размахивает руками...

- Вы что же, собираетесь уйти в бизнесмены?

- Почему уйти? Я пытаюсь совмещать, хотя, если честно, бизнесмен из меня аховый. Просто я ушел из Театра имени Ленсовета и стал художественным руководителем театра «Бенефис», который пока занимается организацией гастролей известных артистов по России. А в будущем мы хотим найти помещение в Санкт-Петербурге, где будут стоять столы и посетители смогут непринужденно общаться с теми актерами, с какими захотят: ну, той же Алисой Фрейндлих, Сергеем Захаровым, Эдитой Пьехой.

- Надо полагать, на этих творческих встречах даже драматические актеры, как и вы, будут в основном петь?

- А что им еще делать? Чехова читать? Смотреть на актера, который сегодня пытается развлечь зрителей чтением прозы, просто жалко. Я, например, бросил это занятие много лет назад, после того, как пытался выступать перед фильмом «Мама» со вступительным словом. Тогда за это платили бешеные деньги, 20 рублей. Зрители послушали меня минут пять и заорали: «Кончай халтурить! Пой!» Гитары не было, пришлось срочно разыскивать какую-то расстроенную «балалайку» в подсобке.

Теперь я без гитары не выхожу. Зрители - это ведь как рыбки, а ты - рыбак, который должен поймать их на крючок интереса к себе.

- Продолжение «Д'Артаньяна и трех мушкетеров», новый сериал «Двадцать лет спустя» тоже стал таким крючком?

- Нет, мы искренне хотели сделать хороший фильм, как бы вернуться в те прекрасные времена. Но никогда нельзя возвращаться. Актеры за те 13 лет, что прошли со времени съемок «Д'Артаньяна и трех мушкетеров», стали опытнее, но мы потеряли... прекрасные ошибки, ошибки молодости, которые, как выяснилось, и придавали фильму такое очарование.

- Да, второй фильм, как и книга, значительно теряет в занимательности.

- Он просто сделан плохо! Операторская работа чудовищна, так снимали в каменном веке. Режиссер, как мне кажется, относился к работе халатно. Сценарий сделан непрофессионально, мы, актеры, потом сами много переделывали.

Все напрасно. Когда после съемок мы дома у Вальки Смирнитского смотрели весь материал, то поняли, что фильм погублен. И во многом это произошло

потому, что на съемках все переругались. Долго не могли найти композитора: была дикая ссора режиссера с Дунаевским, музыку отказался писать Градский, другие известные авторы. Поэтому музыку делали уже после того, как отсняли фильм, - вставляли песни лишь бы куда-нибудь. Все время рвалась пленка, и даже хорошо получившиеся сцены мы должны были дублировать по четыре-пять раз!

На эти съемки мы потратили два года жизни. Однако я за весь фильм получил 27 тысяч, а ребята - и того меньше. Старыгина вообще обидели: не заплатили трюковые, так как у него якобы маленькая роль. Получилось, что мы снимались бесплатно. И к тому же никому не докажешь, что в плохом качестве фильма виноваты не мы.

- Однако говорят, что будет сниматься еще одна серия?

- Мы с ребятами решили своими силами реабилитировать «Мушкетеров» - доснять последнюю серию картины, в конце которой они, как и у Дюма, погибали бы. Мы даже стали читать черновики Дюма, начали компоновать сценарий из ранее неизвестных отрывков...

- А режиссером должны стать вы?

- Ребята мне это предлагают. Но я пока не набрался такой наглости. Нет, я планировал обратиться к нашему же режиссеру Юнгвальд-Хилькевичу. Но недавно он в печати объявил, что считает фильм незаконченным, ищет спонсоров, но нам ничего о съемках пока не сообщил. Так что - не знаю. Ведь время идет, здоровья у артистов не прибавляется. Никто не знает, что будет на самом деле двадцать лет спустя...

- В том числе и вы? Ну хорошо, сейчас вы снимаетесь еще в одной серии «Мушкетеров». А что будете делать потом, когда имидж бесшабашного героя-любовника, составляющий вашу славу, уже станет вам не по возрасту?

- Я и не хочу вечно быть кумиром 13-15-летних девочек. Помните вы молодого Луспекеева? Нет, он достиг вершины в зрелые годы. Интересен вам молодой Бельмондо? Нет, вас привлекает его мужественное лицо в морщинах.

Может, у меня впереди тоже есть Яго, Отелло... Когда я стану стариком, я начну казнить таких, каким я был, мальчиков-везуничков, но казнить через свою профессию. Артист-мужик начинается в 40 лет.

Беседу вела
Наталья БАРАБАШ